

Екатерина Леденёва

КТО НЕ РИСКУЕТ...

РОМАН

Одна
ночь
может
изменить
всю
жизнь

Рецепт

✓ Кофейня

✓ Даша

✓ Новая жизнь?

Катя Леденёва

Кто не рискует...

«Автор»

2026

Леденёва К.

Кто не рискует... / К. Леденёва — «Автор», 2026

Никите двадцать. Он живёт на скорости: бары, короткие романы, деньги, которые кончаются так же быстро, как появляются. «Тусуюсь, значит, существую» — его собственная формула жизни, пока однажды утром он не понимает, что устал от себя. Он хватается попутную работу и уезжает из Москвы в родной город — вместе с Сашей, яркой девушкой, которую знает ровно неделю. За ними, как ему кажется, — мечта: своё дело, план на салфетке, новая жизнь. Но быт разбивает идеализацию, партнёр по бизнесу исчезает с деньгами, Саша уезжает, и Никита оказывается на самом дне — в баре бармена Гриши, где пахнет мятным чаем и табаком. Из дна его вытаскивает Даша — тихая уборщица этого бара, студентка с запахом лилии и ванили, которая первой принимает его план всерьёз: кофейню в медицинском стиле под названием «Рецепт». Пока Никита снова встаёт на ноги, ему предстоит выбрать между прошлым, которое вернулось, и настоящим, которое он сам построил.

© Леденёва К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
КТО НЕ РИСКУЕТ...	6
Глава 1. Москва. Тусуюсь, значит, существую.	7
Глава 2. Диагноз: холостяцкая	9
Глава 3. Усталость от себя	11
Глава 4. Саша	13
Глава 5. Неделя длиной в год	15
Глава 6. Уезжай со мной	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Катя Леденёва

Кто не рискует...

Глава

КТО НЕ РИСКУЕТ...

роман

Екатерина Леденёва

«Я умел начинать. Не умел углубляться.

И всю жизнь путал эти две вещи —

пока не потерял всё, что имел».

Аннотация

Никите двадцать. Он живёт на скорости: бары, короткие романы, деньги, которые кончаются так же быстро, как появляются. «Тусуюсь, значит, существую» — его собственная формула жизни, пока однажды утром он не понимает, что устал от себя.

Он хватает попутную работу и уезжает из Москвы в родной город — вместе с Сашей, яркой девушкой, которую знает ровно неделю. За ними, как ему кажется, — мечта: своё дело, план на салфетке, новая жизнь. Но быт разбивает идеализацию, партнёр по бизнесу исчезает с деньгами, Саша уезжает, и Никита оказывается на самом дне — в баре бармена Гриши, где пахнет мятным чаем и табаком.

Из дна его вытаскивает Даша — тихая уборщица этого бара, студентка с запахом лилии и ванили, которая первой принимает его план всерьёз: кофейню в медицинском стиле под названием «Рецепт». Пока Никита снова встаёт на ноги, ему предстоит выбрать между прошлым, которое вернулось, и настоящим, которое он сам построил.

«Кто не рискует, тот не пьёт шампанское» — история о риске не в бизнесе, а в людях. О том, что от скорости можно разбиться, а от тишины — наконец расслышать себя.

Глава 1. Москва. Тусуюсь, значит, существую.

Я тусуюсь — значит, существую. А если перестану — значит, существую только по средам.

Бар назывался «Ртуть» — и название попадало в точку: здесь всё было жидким, текучим, без углов. Свет резал глаза, бас долбил в грудь так, что мысли не успевали собраться в предложения. В таких местах жили мои лучшие дни — те, где не надо ничего объяснять, не надо быть кем-то, кроме парня, который умеет зажигать.

Я сидел на высоком стуле, закинув ногу на перекладину, и улыбался так, будто вечер принадлежал мне по праву. Передо мной стоял стакан с чем-то тёмным и крепким — таким, чтобы сразу дало по башке и выключило внутренний голос, который иногда пытался шептать: «А может, хватит?»

— Ещё? — спросил новый бармен, молодой, с взглядом человека, который тут третий день и уже всё видел.

— Да. То же самое. И побыстрее. Хочу, чтобы мир перестал быть таким чётким.

Он молча налил. В этом и была прелесть таких баров: тут не спрашивали, почему ты хочешь забыться. Тут просто наливали.

Рядом возникло что-то яркое — короткое платье, в котором было больше дерзости, чем ткани. Девушка наклонилась так, что её волосы коснулись моего плеча.

— Ты тут сидишь такой... напряжённый, — перекрикнула она музыку. — Будто ждёшь, что сейчас что-то случится.

— Я не напряжённый. Я заряженный. Просто жду правильного момента.

Она рассмеялась — громко, нарочно, чтобы все вокруг заметили: вот она, та, которая не боится подойти к парню у стойки. И потянула меня за руку в танцпол. И я пошёл. Потому что в такие моменты думать было вредно. Надо было двигаться, чувствовать ритм, позволять себе не быть тем, кто однажды должен будет всё это объяснить.

Мы танцевали, и мир сжался до баса, пробивающего пол, до мутного света и тепла её тела в полуметре от меня. Я не помнил, сколько прошло времени — час, три, целую вечность. Проблемы, дедлайны, разговоры, которые предстояло вести, — всё осталось за стеной, в другом мире. Я чувствовал знакомый азарт — тот, от которого кровь гудит в ушах. Только сейчас он был не про деньги и не про победу. Он был про неё.

— Если ты сейчас не отойдёшь на шаг, я не буду отвечать за своё самообладание, — прошептал я ей в висок.

Она подняла глаза — и в них не было ни капли смущения. Только вызов. Вечер понёсся дальше, как поезд без тормозов. Потом улица, холодный ветер, который только обострял всё, что я чувствовал.

— Поезжай ко мне, — сказал я тихо, но твёрдо. Не вопрос — предложение, сделанное так, как я привык делать всё: без страховки, на всю ставку.

— Поехали.

Машина стоит у входа, мигая жёлтым. Дождь стучит по крыше, стёкла запотевают, дворники чертят круги. Она садится ближе, чем нужно, и кладёт голову ему на плечо — не соблазняя, а так, устало, по-человечески.

— Знаешь, что самое смешное? — говорит она в темноте салона. — Я тебя никогда больше не увижу. По статистике.

— Почему?

— Потому что так всегда бывает. Классная ночь, такси, утро, «я напишу». Никто не пишет.

— Поехали. Машина стоит у входа, мигая жёлтым. Дождь стучит по крыше, стёкла запотевают, дворники чертят круги. Она садится ближе, чем нужно, и кладёт голову ему на плечо

— не соблазняя, а так, устало, по-человечески.

— Знаешь, что самое смешное?

— говорит она в темноте салона.

— Я тебя никогда больше не увижу. По статистике.

— Почему?

— Потому что так всегда бывает. Классная ночь, такси, утро, «я напишу». Никто не пишет.

Утро ударило по вискам резко и безжалостно. Я открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где я. Комната была чужой, светлой, с мелкими деталями, которых не помнил: кружка с надписью «Лучший день», плед в полоску, фигурка кота на тумбочке. Рядом спала та самая девушка из бара, на губах застыла лёгкая улыбка. Пахло цитрусом и жасмином — теперь слишком резким, навязчивым.

Голова гудела, во рту был привкус вчерашнего вечера, а в груди — странное, колющее чувство, которое я тут же загнал подальше.

«Это просто похмелье, — сказал я себе. — Обычное похмелье. Ничего особенного».

Я осторожно сел. Телефон мигал непрочитанными: Стас: «Где ты? Мы в другом баре». Катя: «Ты опять пропал?» Ещё пара имён, чьи лица я уже не мог вспомнить. Я всё пролистал вниз, не читая.

Девушка приоткрыла глаза:

— Ты уже проснулся? Останься ещё на пять минут. Тут так тихо...

Я хотел сказать «да». Хотел снова включить ту самую улыбку. Но вместо этого покачал головой:

— Прости. Мне надо идти. Дела.

Она не обиделась. Просто кивнула, будто знала, что так и будет.

— Ладно. Если захочешь повторить — ты знаешь, где меня искать.

На улице было прохладно, город только просыпался, и в этой тишине я впервые за долгое время услышал себя. И то, что я услышал, мне не понравилось: этот ритм — вечеринка, утро, побег — стал слишком привычным. Я заглушил мысль привычным оправданием: «Ну, я же живой. Я тусуюсь. Значит, существую».

Такси везло меня через пустую Москву, и в окне мелькали подъезды, витрины, светофоры. Я смотрел на своё отражение в стекле — помятое, в куртке, пропахшей табаком и бергамотом, — и поймал себя на том, что не могу вспомнить, когда последний раз просыпался не с похмельем. Не от того, что надо куда-то бежать, а просто от света.

Впервые за очень долгое время мне стало немного страшно. Не от последствий — от вопроса, который до этого утра я умел не слышать: «А что дальше?»

Так он и жил

— на адреналине, на ритме, на том самом «сейчас», которое не давало времени думать о будущем. И пока ему этого хватало.

Глава 2. Диагноз: холостяцкая

Квартира — это диагноз, который ставишь себе сам.

Я пришёл домой в восемь утра — в то самое время, когда город собирается на работу.

Люди в метро шли ровными колоннами: костюмы, стаканы кофе, взгляды в телефоны. Я шёл им навстречу — во вчерашней футболке, с курткой через руку и запахом чужого подъезда. Мы с ними были как два потока, которые текут в разных направлениях и никогда не пересекаются. Они — на работу. Я — с той самой ночи, которую Вера ещё вчера называла «по статистике не повторится», хотя, возможно, её звали и Лера. Я уже точно не помнил. Статистика, кстати, права. Так всегда и бывает.

У подъезда кто-то выгуливал пса. Пёс посмотрел на меня с пониманием, которого я не оценил сразу. В лифте я поймал своё отражение — и оно выглядело прилично для человека, который всю ночь делал вид, что ему не хочется уже уйти.

Квартира встретила меня знакомым диагнозом.

Холостяцкая — не в романтическом смысле, а в медицинском.

Линолеум — дешёвый, серый, в нескольких местах с круглыми подпалинами от кальяна. Когда-то я считал это стильным: прожжённый пол — это характер. Теперь подпалины просто смотрели на меня с пола, как выгоревшие глаза. Кальян в углу, обросший трубками, как осьминог. Грязная футболка на спинке стула, вторая — на коврике у двери, третья — где-то между ними. Пепел на подоконнике. Раковина не мылась так давно, что я начал считать это её характером, а не своей ленью.

Я сходил в душ. Постоял под водой дольше, чем надо, смотрел, как вчерашняя ночь уходит в слив. Вода не помогла. Она вообще редко помогает — просто меняет температуру мыслей с горячей на холодную.

На кухне — тот же пейзаж. Я заварил кофе. Налил в единственную чистую кружку, откопанную со дна сушилки. Кофе был крепкий, на грани горечи — как раз то, чего заслуживало это утро: восемь сорок, вторая половина воскресенья по ощущениям, хотя понедельник ещё не начинался.

Балкон — единственное место в квартире, которое я содержал в порядке. Лаундж-зона: старый диван, подушки, маленький столик. Пейзаж — не Москва-сити: двор, тополя, припаркованная на газоне «Киа». Но с высоты балкона всё это выглядело почти художественно, особенно в утреннем свете, когда город ещё не успел наорать на себя.

На столике валялся учебник по анатомии. Толстый, потрёпанный, с наклейками на полях — на главе про сердечно-сосудистую систему когда-то были мои пометки. Сейчас он служил подставкой под кружку.

Так и живём: сердце — coaster, кофе — главная система кровообращения.

Я бросил учёбу два года назад. Легко, как бросают осенние листья — просто перестал ходить. Мать плакала по телефону, я делал вид, что связь плохая. Теперь по пятницам — бары, по выходным — бары, в будни — работа без смысла, а анатомия — на уровне «где болит, туда и пью».

Я сел на диван и стал смотреть на город. Август подходил к концу, и в этом конце чувствовалась какая-то честность: лето уже не притворялось, что оно молодое. Внизу под окнами прошёл человек с портфелем — спешил, как будто опаздывал на собственную жизнь. Я усмехнулся. А потом вдруг перестал усмехаться. Потому что понял: я не усмехаюсь над ним. Я смотрю на него с балкона в рабочий день — и это не насмешка, это диагноз.

Телефон завибрировал. Стас.

«Погода разогналась, августовское солнце вылезло. Погнали пройдемся? У меня кое-что на уме».

Стас писал так, как и говорил: коротко, по-мужски, с подтекстом, который не всегда читается, но всегда есть. Мы дружили с детства — до того самого курса, который я не окончил. Он остался учиться, я остался жить. Иногда казалось, что мы просто поменялись.

«Дай двадцать минут», — написал я.

И допил кофе. Долгим глотком, как пьют не напиток, а решение.

Я начал одеваться. Это заняло время — не потому, что одежды было мало, а потому, что выбор между тремя одинаковыми худи — это всегда экзистенциально. В зеркале в прихожей меня остановил парень со щетиной и взглядом человека, который только что вернулся домой утром, когда люди идут на работу. Я подумал, что, если он ещё месяц так проживёт, его фамилия начнёт совпадать с адресом: «улица, дом, Никита».

— Ладно, — сказал я зеркалу. — Пошли гулять.

Зеркало не возражало. Оно всегда со всеми соглашается.

Глава 3. Усталость от себя

Усталость — это когда не можешь бежать. Выгорание — это когда не помнишь, зачем бежал.

Стас ждал меня в «Кофе Хаузе» с двумя капучино и лицом человека, который знает всё заранее.

— Ну? — сказал он, вместо «привет». — Кто была?

— Не знаю. Серьёзно. Соня? Саня? Что-то на «а».

— Ты хотя бы имя запомнил, изделие. — Он толкнул мне кофе. — Я в тебе разочарован. Я уверен, лет пять назад ты помнил даже размер обуви.

— Лет пять назад мне было пятнадцать и меня интересовали другие размеры.

Мы посмеялись — и было это старым смехом, устоявшимся, как старая мебель. Со Стасом я дружил с детства двора; он был единственный человек, который помнил меня до Москвы — тощего, со сломанной ключицей и планами открыть свою кофейню «чтобы все ахнули».

Он вздохнул и стал серьёзным — для Стаса это был тяжёлый жест.

— Никит, я тебе скажу, а ты не обижайся. Ты стал какой-то... серый. Не по внешности. По глазам. Смотришь на всё как на очередь в поликлинике: быстрее бы прошла. Тебе двадцать, не пятьдесят.

— Просто всё повторяется, Стас. Каждые выходные один и тот же вечер. Каждый понедельник одно и то же утро. Я просыпаюсь — и не помню, зачем просыпался.

— Так может, хватит просыпаться в чужих квартирах? — Он допил кофе одним глотком. — У нас же с тобой был план, помнишь? Шестнадцать лет, гараж моего отца, ты рисовал на стене кофейню. Орал: «Вот тут бар, вот тут окна во двор, вот тут стойка из старых школьных парт». Куда всё делось?

— Москва сделалась. — Я повёл рукой. — Здесь всё решает скорость. Замедлился — съели.

— Или съел себя сам.

От него пахло старомодным одеколоном — каким-то «Шипром», который его отец покупал по три рубля и втирал в вечность. От этого запаха всегда тянуло домой, в детство, и я злился на Стаса, что он до сих пор им мажется, и благодарил, что мажется.

Вечером я позвонил матери. Разговор вышел коротким, как объявление на вокзале.

— Мам, привет. Как дела?

— Хорошо. А что ты спрашиваешь? Обычно ты не спрашиваешь.

— Уточнить хочу.

— Понятно. — Пауза была ровно такой длины, чтобы я успел почувствовать её до конца. — Что-нибудь случилось? Денег не надо?

— Нет. Просто позвонил.

— Никита, ты позвонил во второй раз за полгода. Значит, случилось. Но если не хочешь говорить — не говори. Я привыкла.

— Мам...

— Не «мам». Скажи хотя бы, что живой. Всё, живой — я услышала. Пока, Никит. Или как тебя теперь правильно зовут?

Она положила трубку первой — так всегда. От разговора с матерью оставалось ощущение, что меня отчитали за то, чего я ещё не сделал. Запах её квартиры — стиральный порошок и сирень на балконе — встал перед глазами так отчётливо, что я зажмурился.

Ночью я не спал. Считал: четыре года Москвы. Две тысячи вечеров, из которых помню десяток. Три работы, два повышения, ноль друзей ближе, чем Стас. Одна девушка, с которой я

чуть не заговорил о серьёзном, — и как я сбежал, когда она спросила: «А что ты хочешь через пять лет?» Я тогда пошутил. Она посмотрела так, что мне стало не по себе.

А утром я поймал себя на том, что собираю сумку. Не на вечер — на «назад».

— Куда это? — спросил Стас, увидев коробки.

— Домой. В Пермь. — Я сам испугался, как легко это прозвучало. — Поживу у мамы. Подумаю. Отдохну от скорости.

Стас смотрел на меня долго. Потом сказал:

— Слушай... а я, пожалуй, тебе даже завидую. Ты первый человек из всех, кого я знаю, который понял, что устал. Остальные просто стареют и называют это опытом.

— Приезжай ко мне. Скажешь это ещё раз, когда я буду жрать лапшу и жаловаться на холод.

— Приеду. Обещаю. Только не затягивай: я хочу проверить, настоящая ли это усталость или очередная твоя скорость — просто в обратную сторону.

Эта фраза потом будет преследовать меня долго. Но тогда я только усмехнулся.

Глава 4. Саша

Яркая — это не про цвет платья. Это про то, как быстро человек затмевает тебя самого.

Сашу я увидел раньше, чем она меня. На вечеринке у Макса — шумной, с колонками, застрявшими где-то между инди и «поставь нормальную музыку», — она стояла у окна в красном платье и держала бокал так, будто это был реквизит, а не напиток. Держала спокойно, красиво, умея. Всё в ней было «умею»: стоять, смеяться, поворачивать голову, ловить чужие взгляды и отпускать их, не доработав.

Но я не у окна остановился. Я остановился в коридоре, когда она вышла из кухни с двумя тарелками, чего на вечеринках не делают, — и не увидела меня, и наступила мне на ногу, и покраснела так некрасиво и так живо, что я забыл все свои готовые фразы.

— Ой! Прости. Ты военный? Такая стопа... Нет, стоп. Ты просто большой.

— Я просто длинный, — сказал я. — Дай, помогу.

Я забрал у неё одну тарелку. Она посмотрела на меня внимательно, как оценивают не внешность, а файл: совместим или нет.

— Ты кто вообще? Я тебя не помню.

— Никита. Друг Макса. Отсюда вывод: я не из этой компании.

— Умный. — Она улыбнулась той самой улыбкой, от которой у меня когда-то пропадал голос. — А я Саша. И я не из этой компании уже третий год. Я просто прихожу, потому что Макс умеет готовить.

— А что ты умеешь?

— Я? — Она задумалась всерьёз, и мне это понравилось: она не отвечала заготовками. — Умею уезжать. Ещё умею выбирать кино, от которого все плачут, и притворяться, что я не плачу. И умею запоминать людей.

От неё пахло пионами, вишней и чем-то тёплым, сладким на выдохе, как расплавленный янтарь. Запах был не просто красивый — он был заметный, как заголовок. Я потом ещё не раз вспомню этот запах — но не буду заранее усложнять себе жизнь.

Мы отошли на балкон. Там было тихо, только снизу неслось что-то саксофонное из окна соседей. Саша курила — неумело, как те, кто курит по настроению.

— Расскажи мне что-нибудь настоящее, — сказала она. — Не «работаю, учусь, в свободное время». Настоящее.

— Я устал. Вот моё настоящее. Я устал так, что сегодня утром не смог вспомнить, зачем мне просыпаться.

Она не засмеялась. Она кивнула — так кивают тому, кто говорит правду, впервые за вечер.

— Знаешь, что смешное? Я тоже. И я не умею это говорить. Я умею только надевать платье.

— Платье красивое.

— Платье вообще-то шикарное, — она рассмеялась, и я услышал в этом смехе короткую, настоящую нотку под всем наигранным. — Но это не ответ на мой вопрос.

— А какой был вопрос?

— Что ты умеешь, кроме усталости?

Я посмотрел на неё — и впервые за три года сказал то, что не говорил никому:

— Я умею варить кофе. Это странно, да? Двадцатилетний парень, который живёт в Москве, и единственное настоящее, что у него есть, — это умение варить кофе. Меня этому дед научил. Говорил: «Кофе — это единственное, что в жизни нельзя торопить. Стоит поторопить — станет горьким».

Саша молчала. Потом сказала:

— Мне нравится. Про кофе. Даже слишком. — И добавила: — Пошли, там, кажется, Макс спалил блины.

И мы вернулись в шум. Но что-то уже было начато — то самое «что-то», от которого потом невозможно отмахнуться, когда выясняется, что оно было важнее всего остального вечера.

Глава 5. Неделя длиной в год

Мы боялись одного и того же — просто смотрели на одну дыру с двух сторон: я боялся копнуть, она — остановиться.

Неделя после той вечеринки вышла такой, какой не выходила ни одна неделя в Москве: длинной. Не в смысле занятости — наоборот. В смысле наполненности.

Мы гуляли. Просто гуляли — с семи вечера до двух ночи, по центру, по набережной, по дворам, где я в детстве проводил каникулы у тётки. Саша говорила быстро и много, и одновременно не говорила ничего — то есть говорила только то, что надо, без сюрпризов. Я узнал, что она не переносит запах ментола, что боится лифтов (но не признаётся), что её мама работает в школе и «устала от детей, хоть и не скажет», что она мечтает уехать «туда, где тише». В ответ я рассказывал ей то, чего не рассказывал никому: как мой дед научил меня варить кофе, как я в шестнадцать собирал кофейню на бумаге, как отец ушёл, когда мне было двенадцать, и как я не плакал, потому что «мужики не плачут» — и до сих пор не плачу, а хочется.

— Ты смешной, — сказала она однажды на мосту, когда я объяснял ей, почему не люблю фонтаны. — Смешной — это комплимент, между прочим. У тебя смех как у парня, который сдал экзамен, но не уверен, что сдал.

— Спасибо. Теперь я в этом буду сомневаться всю жизнь.

— Нет, серьёзно. Ты умеешь смеяться так, что становится смешно другим. У тебя это природное. А ты это прячешь за курткой и сигаретами.

— А ты за красным платьем.

— А я за красным платьем. — Она посмотрела на воду. — Честно? За красным платьем я прячу, что боюсь осени. Вот придёт сентябрь, всё закончится, и опять надо всё начинать. Люди, кафе, «как дела». Я это ненавижу. Я боюсь рутины больше, чем смерти.

— А я боюсь другого, — сказал я. — Глубины. Когда надо останавливаться и разбираться. В себе, в людях, в отношениях. Я умею начинать. Не умею углубляться. Углубляться — это же как копать: чем глубже, тем темнее.

Саша обернулась ко мне. В глазах у неё было что-то, чего я не ждал: узнавание.

— Так это же одно и то же, — сказала она тихо. — Мы просто с двух сторон смотрим на одну и ту же дыру. Ты боишься копнуть. Я боюсь, что перестану двигаться.

Мы стояли на мосту, и под нами шумела река, и мне вдруг захотелось быть тем, кто скажет: «Ну так давай копать вместе». Но я не сказал. Я сказал:

— Пошли есть. Я знаю место с лучшими пельменями в Москве.

Она рассмеялась, и мы пошли есть. И это была правильная еда, и это был правильный вечер, и мне было хорошо. Но где-то на дне — где-то в том самом «дне», о котором я узнаю позже, — уже копошилось что-то тяжёлое и чёрное. Не ссора. Не тревога. Скорее предчувствие: то, что хорошо — оно всегда такое.

Потом я ещё много раз буду возвращаться мыслями к этому вечеру. К пельменям. К мосту. К тому, как она говорила про осень, а я про глубину. И каждый раз буду понимать одно и то же: мы уже тогда были не вместе. Мы были рядом, на одной глубине, но в разных водах.

Глава 6. Уезжай со мной

Риск — это не когда ты прыгаешь. Риск — это когда берёшь с собой того, кто тебе доверяет.

«Уезжай со мной» я сказал на третий день недели — то есть в десятый раз зная её, — и сказал так, как всё делал: без подготовки, на всю ставку.

Мы сидели в её квартире. Или не квартире — в съёмной однушке на пятом этаже, с окнами во двор, где работал ремонт и кто-то постоянно сверлил. Саша сидела на полу, спиной к дивану, и красила ногти. Не на ногах — на бумаге. Она рисовала ногтями узоры на ватмане, потому что «так интереснее, чем кистью», и это было настолько в её характере, что я засмеялся.

— Чего ржёшь?

— Ты. Ты вообще-то странный человек, Саша.

— Спасибо. — Она аккуратно закрыла ватман. — А теперь слушаю. У тебя лицо человека, который что-то задумал. Говори, я не бойкая.

— Уезжай со мной.

Тишина длилась секунд пять. Потом она спросила:

— Куда?

— Домой. В Пермь. Мама, двор, река. Я там перезагружусь, и, может, начну своё дело. Кофейню. Мне это давно в голову пришло, только я всё откладывал, потому что Москве это не нужно. А мне нужно.

— И ты хочешь, чтобы я поехала.

— Хочу.

— А почему я?

— Потому что с тобой не страшно останавливаться.

Она отвернулась к окну. Во дворе кончил сверлить перфоратор — как будто специально, чтобы стало слышно, как громко теперь бьётся моё сердце.

— Никита, — сказала она тихо. — Ты хоть понимаешь, что ты сейчас попросил? Не «пойдём в кино». Ты попросил меня оставить Москву, работу, маму, привычки, кофейни, которые я люблю, и друзей, которые меня знают, — и поехать в город, где я не знаю никого, кроме тебя. Через десять дней после того, как мы встретились.

— Понимаю.

Но кофейни я не прошу тебя оставлять, ради тебя я открою там кофейню с особенным кофе. Работы везде много и там найдешь. А мама... Ты и так с ней сейчас не живешь и общаешься в основном по телефону.

— И если я откажу — ты уедешь один. А если соглашусь — уеду с человеком, которого не знаю. Это же не романтика. Это риск.

— Это риск, — согласился я. — Но риск — это то, чего я боюсь меньше всего. Я боюсь тишины, Саш. Я не боюсь дыр.

И риск это и есть крутая история любви.

Она молчала. Потом сказала то, чего я не ждал:

— Я поеду только при одном условии. Если это будет риск, на который я решилась сама. Не «он уговорил», не «не смогла отказать», не «загорелась». Сама. Понимаешь разницу? Мне важно знать, что я это выбираю. Иначе потом я буду это ненавидеть — и тебя, и город, и тебя в городе.

— Понимаю.

— Дай мне день. Я поговорю с мамой. И я тебе отвечу.

Вечером я пошёл к Макс — попрощаться, потому что было уже понятно, что я уезжаю, с ней или без. Макс встретил меня пельменями и своим обычным лёгким тоном, как будто я уходил не на север, а в соседний двор.

— Слушай, а эта, — он кивнул в сторону кухни, где что-то гремела Катя, — она тебе как? Сашка. Она же не из твоего мира.

— Мир у нас один, Макс. Просто с разных окон.

— Ладно. — Он пожал плечами. — Если что — я тут. Москва никуда не денется. Москва всегда тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.